

СУВЕРЕНИТЕТ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.А. СЕРГУНИН

*Санкт-Петербургский
государственный
университет*

e-mail: sergunin60@mail.ru

К настоящему времени концепт суверенитета превратился из узкого и достаточно примитивного по своему содержанию понятия, направленного на обоснование верховной власти монарха на определенной территории в условиях его борьбы с феодальной раздробленностью и имперскими амбициями католической церкви, в достаточно богатую по своему смыслу категорию политической науки, а также международного права. Несмотря на ряд расхождений, практически все основные парадигмы теории международных отношений (кроме постпозитивизма) считают суверенитет одной из ключевых категорий современной системы международных отношений, имеющей характер основополагающей нормы.

Ключевые слова: суверенитет, власть, государство, глобализация, теория международных отношений.

Как показывает анализ теоретических дебатов в отечественном и зарубежном обществоведении, в последние два десятилетия категория суверенитета вновь оказалась в центре внимания академического сообщества. Особенно острые дебаты по этому вопросу имеют место в теории международных отношений (ТМО), хотя эта проблема не менее актуальна и для политической теории в целом, а также для правоведения (особенно такой его отрасли, как международное право). Какие же факторы способствовали повышению интереса к данной проблеме?

Прежде всего, столь пристальное внимание к концепту суверенитета со стороны мирового научного сообщества связано с необходимостью осознания последствий глобализации для такого традиционного актора мировой политики, как государство (и суверенитета как одного из самых существенных его атрибутов). Появились различные теории, занявшие диаметрально противоположные позиции по вопросу о суверенитете – от тех, которые провозгласили его конец, до тех, которые отрицали сам факт его эрозии.

Серьезный вызов концепции суверенитета (в том виде, как она закреплена в Уставе ООН) бросила серия «гуманитарных интервенций» 1990-х и начала 2000-х гг., инициированных главным образом США. В данном случае речь шла не только и не столько о теоретических спорах, сколько о вполне практических делах: США и их ближайшие союзники стремились, создав прецедент, закрепить за собой право на подобного рода интервенции в любой точке земного шара и в любое удобное им время. Параллельно последовала целая серия попыток по пересмотру принципов и норм международного права в нужном сторонникам «гуманитарных интервенций» направлении (прежде всего, в виде предложений по изменению Устава ООН в той его части, которая утверждает соблюдение суверенитета государств в качестве одного из ведущих принципов международного права).

Наконец, свою «лепту» в дискуссии по поводу категории суверенитета внес спор между различными парадигмами ТМО, в центре которого опять же оказался вопрос о традиционных и нетрадиционных акторах мировой политики. В то время, как классические парадигмы неореализма и неолиберализма по-прежнему настаивали на ведущей роли государства в этой сфере (включая сохранение за ним суверенитета во внутренней и внешней политике), другие парадигмы ТМО – глобализм и особенно различные школы постпозитивизма (постмодернизм, социальный конструктивизм, постструктурализм, феминизм и пр.) указывали на снижение роли государства в ми-

ровой политике и рост значимости нетрадиционных акторов – транснациональных межправительственных и неправительственных институтов, «сетевых структур» и пр. В глазах этих теорий суверенитет является не более чем «мифом», «консервативной утопией», призванной замаскировать узкокорыстные интересы правящей элиты¹.

По каким же направлениям идут современные дискуссии по вопросу о суверенитете?

В современной ТМО господствует неолиберальный подход к трактовке понятия «суверенитет». В свою очередь неолиберальное прочтение концепта суверенитета базируется на международно-правовом подходе, ибо неолибералы именно право считают основой международных отношений и считают, что все отношения между государствами должны регулироваться соответствующими международно-правовыми документами.

Современные неолибералы различают несколько видов суверенитета.

Во-первых, это – государственный суверенитет, под которым подразумевается верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере², т.е. полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключая подчинение властям иностранных государств, в т.ч. в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета³.

В неолиберальной трактовке государственный суверенитет имеет точное содержание и рамки применения. Неолиберальная парадигма констатирует следующие его моменты:

– Суверенитет характеризует исключительно государственность, выделяя и подчеркивая ее отличие от других общественных явлений.

– Суверенитет связан с волей народов, населения государственно оформленной территории.

– Суверенитет является объективной реальностью, не требующей чьего-либо утверждения, но предполагающей использования его в качестве основы других государственно-правовых явлений⁴.

Неолибералы понимают, что абсолютного государственного суверенитета нет и быть не может, ибо на современном уровне цивилизации в условиях единого мирового хозяйства неустранима взаимозависимость государств по экономической, экологической, гуманитарной и многим другим линиям⁵. В то же время государственный суверенитет может быть ограничен не чем-то абсолютным, а только относительными факторами и так, чтобы он сочетается с суверенитетом других государств. Следует учитывать тот факт, что в ходе исторического развития международным сообществом выработаны цивилизованные отношения между государствами, которых они должны придерживаться. Общепринято, что состояние дел с соблюдением прав и свобод человека в том или ином государстве может быть предметом международной защиты⁶.

¹ Иванов В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал. 2009. 28 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet>; Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford, 1998.

² Подобное понимание суверенитета возникло еще в позднее средневековье в ходе борьбы, с одной стороны, с феодальной раздробленностью и за централизацию государственной власти, а, с другой – за освобождение светской государственной власти из подчинения католической церкви. Этимологически слово «суверенитет» восходит через старофранцузское «soveranité» к латинскому «suprematis», или «suprema potestas», что означает «высшая власть».

³ Sørensen G. Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution // Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 590-604.

⁴ Ibid.; Jackson R. Sovereignty in World Politics: a Glance at the Conceptual and Historical Landscape // Political Studies. 1999. № 47. P. 453, 499.

⁵ Haas R.N. Intervention. The Use of American Military Force in the Post-cold War World. New York, 1994. P. 4-5; Nye J.S., Keohane R.O. The Role of Transnational Forces. Transnational Relations and World Politics // International Politics. Anarchy, Force, Imperialism. Ed. by R.J. Art and R. Jervis. Boston, 1973. P. 506-507.

⁶ Mendelson B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. P. 61.

Во-вторых, это – национальный суверенитет, т.е. полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая, прежде всего, способность политически самоопределяться вплоть до образования собственного государства⁷.

Неолибералы считают, что необходимо различать национальный и государственный суверенитеты, означающие соответственно верховенство прав нации и прав государства, где суверенитет нации является первоосновой, а государственный суверенитет – одной из форм реализации суверенитета нации, живущей в данном государстве. Суверенитет нации, национальный суверенитет уже со времен Французской революции прочно входит в число основополагающих демократических принципов и прав. С тех пор бурное развитие производства и его интернационализация, связанные с перекройкой государственных границ и созданием колониальных империй, с закабалением одних наций другими, с непрекращающейся миграцией населения и перемещением наций и народностей, а также развитие национального самосознания и национальных движений поставили проблему развития наций, межнациональных отношений и утверждения суверенитета нации на одно из первых мест. XX век обострил эту проблематику: две мировые войны, Октябрьская революция и провозглашенное ею право наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельных государств, а также распад колониальных империй еще больше драматизировали эту проблематику, сделали ее осью многих международных конфликтов и предметом многочисленных международных переговоров. Несмотря на всю актуальность и остроту межнациональных проблем и проблем суверенитета наций, приходится констатировать, что ни одно течение общественно-политической мысли не сумело пока предложить адекватного научного решения этих проблем, о чем свидетельствуют острые и затяжные межнациональные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии, Африке, ряде европейских стран (Великобритания, Испания, Бельгия, Балканы), Канаде и на территории бывшего Советского Союза.

В-третьих это народный суверенитет, под которым понимается полновластие народа, т.е. обладание социально-экономическими и политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и государства. Неолибералы подчеркивают, что народный суверенитет является одним из принципов конституционного строя во всех демократических государствах. По их мнению, с государственным суверенитетом не следует смешивать понятие народного суверенитета, предполагающее, что народ, выражающий свою волю через выборы, референдумы и т. п., является высшей властью и источником всякой власти в государстве. Доктрина народного суверенитета возникла в XVIII в. в противоположность средневековой доктрине «божественного права», предполагавшей носителем суверенитета монарха, получившего свою власть непосредственно от бога⁸. В настоящее время она является практически общепринятой, при этом не только в демократических государствах, но и в государствах с тоталитарной формой правления, также апеллирующих для своей легитимации к «воле народа».

Что касается других парадигм ТМО, то традиционный противник неолиберализма – политический реализм (неореализм) – в вопросе о суверенитете не сильно

⁷ Sørensen G. Op. cit. P. 590-604.

⁸ Автором доктрины народного суверенитета считается известный деятель эпохи французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо. По его мнению, сувереном является народ, заключающий общественный договор, а не «лицо или собрание лиц», как считали предшественники Ж.-Ж. Руссо. Суверен — это «политический организм», «коллективное существо», «условная личность». Он появляется в силу гипотетического «первого соглашения», благодаря которому народ конституируется как народ. С этого момента у народа и появляется неотчуждаемый суверенитет. «Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общей волей, носит, как я сказал, имя суверенитета» (Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре. М., 1998. С. 220–221).

отличается от либеральных позиций. Суверенитет остается для большинства неореалистов основой международной системы и международного права, несмотря изменяющуюся роль государства в условиях глобализации. При этом неореалисты подчеркивают, что установленные правила игры и международно-правовые нормы имеют относительную стабильность и могут меняться по причине анархичности международной системы, неравного распределения силы и политических противоречий между государствами⁹.

В то же время, «лагерь» неореалистов неоднороден. Часть из них следует логике основателя неореализма К. Уолтса о суверенитете как принципе, который пока достаточно устойчиво воспроизводится в международных отношениях¹⁰. Другая часть склонна к пересмотру роли и содержания суверенитета под давлением современных политических процессов. Попытки теоретического переосмысления роли суверенитета выражаются в появлении частных теорий неореализма, не претендующих на полный охват международной политики, либо в сближении некоторых неореалистов с представителями других парадигм (неолибералами, конструктивистами, глобалистами)¹¹.

Неореалисты признают, что в современных условиях государство стало менее самостоятельным в принятии решений, делегировав часть своих полномочий наднациональным структурам (особенно это верно в случае с Евросоюзом). Суверенитет государств ограничен, когда речь идет о глобальных проблемах (особенно в вопросах экологии). Рост взаимодействия между государствами, усложнение характера их взаимосвязей сделали систему международных отношений похожей уже не на миллиардные шары (как считал традиционный политический реализм 1940-1960-х гг.), а на паутину¹².

Тем не менее, неореалисты считают, что процесс глобализации не ведет к отмиранию государства, наоборот, потребность в этом институте сохраняется (хотя и в измененном виде). Создание системы глобального управления невозможно без поддержки эффективно работающих государств. Трансграничное движение капитала и населения тоже требует государственного управления. Государства поддерживают международное сотрудничество и стабильность в различных сферах. В экономике это может быть кредитно-финансовая, валютная, инновационная политика. Глобализация объективно побуждает к повышению эффективности государственного управленческого аппарата, чтобы приспособиться к глобализации экономики, которая сопровождается активизацией регионов, негосударственных организаций, ростом влияния международных стандартов и институтов¹³. Начавшийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис наглядно показал, что «хоронить» государство еще рано. Именно оно оказалось наиболее эффективным инструментом по борьбе с кризисом и его последствиями как для отдельных стран, так и для всего международного сообщества в целом.

В современных условиях основную альтернативу неолиберальной трактовке суверенитета представляет постпозитивистская (или как называют сами себя сторонники этой школы – критическая) парадигма в общественных науках. Под постпозитивизмом понимается сложный конгломерат идей, концепций и подходов, которые в содержательном отношении сочетают в себе сразу несколько традиций политической

⁹ Krasner S. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, 1999. P. 3.

¹⁰ Waltz K. *Globalization and American power // The National Interest*. 2000. Spring. P. 46-55; Gilpin R. *The Challenge of Global Capitalism: the World Economy in the 21st Century*. Princeton, 2000.

¹¹ Escude C. *An Introduction to Peripheral Realism and its Implication for the Interstate System // Argentina and the Condor II missile project International relations theory and the Third World*. Ed. by S. Neuman. New York, 1998. P. 55-76; Gruber L. *Ruling the World: Power Politics and the Rise of Supranational Institutions*. Princeton, 2000.

¹² *Global Trends and Global Governance*. Ed. by P. Kennedy and D. Messner. Sterling, 2002. P. 143-144.

¹³ *Ibid.* P. 37-40.

мысли: постструктурализм, постмодернизм, социальный конструктивизм, постмодернистский феминизм, неомарксизм и идеологию «новых левых», а также психоанализ. Оправдывая своё самоназвание (критическая школа), постпозитивизм ставит под сомнение очевидность многих традиционных концептов, включая суверенитет, власть и политику. Критичность в данном контексте можно понимать в широком смысле – как позицию, заявленную в отношении всей западной традиции политического мышления, идущей от эпохи Просвещения; в более же узком и конкретном смысле она предполагает концептуальные дебаты с неолиберализмом и неореализмом, которые, с точки зрения критической теории, являются наиболее последовательным воплощением той традиции, с которой они не только интеллектуально полемизируют, но и политически борются.

Постпозитивисты настаивают на том, что в эпоху глобализации понятие суверенитета теряет всякий смысл, поскольку исчезает сам его носитель (государство)¹⁴. Последнее постепенно передает свои полномочия на уровень субнациональных образований (субъекты федерации, регионы, провинции и пр.), транснациональных институтов и частных акторов, которые неподконтрольны государству. «Глобальные потоки финансов, медийных образов, рисков, образцов потребления, народонаселения и власти лишают устойчивости традиционное понятие национальных пространственных границ»¹⁵, – отмечают постпозитивисты. Более того, постпозитивисты считают суверенитет не только исчезающим явлением, но и вредным рудиментом эпохи модерна. Дело в том, что государство, пользуясь концептом суверенитета, часто искусственно помещает большинство важных для него вопросов в сферу безопасности и тем самым создает квази-легитимную основу для подавления любой оппозиции под предлогом необходимости обеспечения национальной безопасности. Тем самым оно тянет мир в прошлое, полное насилия, межгосударственных конфликтов и войн¹⁶.

Возражая своим оппонентам из лагеря постпозитивистов, неолибералы и неореалисты подчеркивают, что тезис о «конце суверенитета» в современном мире недостаточен полно аргументирован. Институт суверенитета просто изменяется для того, чтобы адаптироваться к новым вызовам. Процесс этой адаптации еще не завершен¹⁷.

Несмотря на то, что постпозитивизм получил определенное распространение в зарубежной и отчасти в отечественной ТМО, эта парадигма не в состоянии одолеть господствующую точку зрения на суверенитет (неолиберализм) и вряд ли будет в состоянии это сделать в обозримом будущем.

* * *

Подводя итоги сказанному, отметим, что концепт суверенитета прошел долгий путь развития и к настоящему времени превратился из узкого и достаточно примитивного по своему содержанию понятия, направленного на обоснование верховной власти монарха на определенной территории в условиях борьбы с феодальной раздробленностью и католической церковью, в достаточно богатую по своему смыслу категорию политической науки, а также международного права. С появлением понятий национального и народного суверенитета концепт суверенитета перестал быть государство-центричным и наполнился более демократическим смыслом как во внутреннем (защита прав народа, а не только правителей), так и внешнем (обеспечение равноправия всех государств в сфере международных отношений) планах.

¹⁴ Иванов В. Указ. соч.; Филиппов А. Суверенитет // Апология. 2005. Май (№ 3). С. 58-77; Agamben. Op. cit.

¹⁵ Outhwaite W., Ray L. Social Theory and Postcommunism. Oxford, 2005. P. 123.

¹⁶ Agamben. Op. cit.; Critical Approaches to Security in Europe. A Networking Manifesto // Security Dialogue. 2006. December; Marchart O. The Other Side of Order: Towards a Political Theory of Terror and Dislocation // Parallax. 2003. Vol. 9. № 1. P. 102-111.

¹⁷ См., например: Sørensen G. Op. cit. P. 590-604.

Что касается современного этапа развития этого концепта, то, несмотря на ряд расхождений, практически все представители основных парадигм политической теории (кроме постпозитивизма) считают суверенитет одной из основных категорий современных международных отношений, которая имеет характер основополагающей нормы. Исследователи рассматривают феномен суверенитета в контексте взаимодействия игроков в международной среде, а также через призму коллективных, системных угроз безопасности. Эта группа авторов подчеркивает, что необходимо обращать внимание на различные аспекты и виды суверенитета, без учета которых невозможно дать адекватное определение этому комплексному явлению. Практически все исследователи согласны с тем, что институт суверенитета претерпевает в процессе исторического развития известную трансформацию, которую они в частности обозначают через понятия реинтерпретации и реконструирования. Эта трансформация, однако, не затрагивает фундаментальные основы суверенитета и не ведет к его «концу». Представители этих школ общественно-политической мысли убеждены, что в современном мире суверенитет сохраняет свое основополагающее значение, несмотря на продолжающиеся дискуссии о его смысле и дальнейшем развитии. Попытки же ряда направлений политической теории отрицать ценность концепта суверенитета для поддержания цельности системы международных отношений (и даже объявить о его вредоносном характере в эпоху глобализации) являются несостоятельными и угрожают подорвать сложившиеся к настоящему времени принципы и нормы международного права. А именно последние и являются одним из самых важных и эффективных инструментов обеспечения международной безопасности и стабильного развития всего мира в целом.

Вместе с тем следует отметить, что доминирование тех школ общественно-политической мысли, которые выступают за сохранение и адаптацию концепта суверенитета к современным условиям, не означает конца бурных дебатов в мировой науке по вопросу о суверенитете. Совершенно определенно, что они будут продолжены и, возможно, даже приобретут еще большую остроту в обозримом будущем.

SOVEREIGNTY: ONGOING DISCUSSIONS IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

A.A. SERGUNIN

*St. Petersburg
State University*

e-mail: sergunin60@mail.ru

By now the concept of sovereignty has turned from a rather narrow and primitive notion, that aimed at justification of monarchical authority on a particular territory in the context of monarchy's struggle with feudal decentralism and the Catholic church's imperial ambitions, to a quite broad political science and international law category. In spite of some difference of opinion nearly all International Relations theory paradigms (with exception of post-positivism) view sovereignty as one of the key international relations system's categories with a status of a fundamental norm.

Key words: sovereignty, authority, state, globalization, International Relations theory.